

ШЕСТЫЕ ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

23 апреля 2002 г. в Институте славяноведения РАН прошли VI чтения, посвященные памяти Н.И. Толстого, — «Текст: семантика и прагматика». О задачах и тематике конференции во вступительном слове рассказала С.М. Толстая. Она отметила, что впервые на ежегодных толстовских чтениях затрагиваются вопросы, касающиеся не парадигматики, а синтагматики языка культуры, а именно *текста* (его семантики и прагматики). Были рассмотрены теоретические проблемы, связанные с исследованием феномена *текста*: перечислены различные подходы к изучению текста (литературоведческий, лингвистический и др.), выделены основные признаки текста, определено место текста в ряду родственных понятий (предложение, дискурс). В качестве дифференциального признака текста был назван его жанровый характер. Особое внимание было уделено метафорическому употреблению термина *текст* в значении 'полный корпус смыслов, образующих некоторое семантическое целое' («текст Петербурга»). С.М. Толстая подробно проанализировала употребление терминов *текст* и *дискурс*, наметила основные различия между ними. Она также затронула проблему соотношения *мотива* как единицы семантической структуры текста с *мотивом* — компонентом внутренней формы слова.

С.Ю. Неклюдов в докладе «Текст и мотив» отметил, что за видимым разнообразием традиций разных народов мира стоит некий универсальный, интернациональный сюжетно-мотивный фонд. Семантическая структура мотива инвариантна по отношению ко множеству своих текстовых реализаций. Мотив принадлежит не тексту, а всей традиции в целом, поэтому, чтобы истолковать его, требуется знание контекста. Метаязыковая формулировка мотива, сколь бы она ни была абстрактна, всегда может быть спроецирована на реальный текст. В тексте проекции элементов разных мотивов могут располагаться диффузно, быть совмещенными друг с другом или вложенными одна в другую. Докладчик сказал, что до сих пор остается неясным механизм выявления инвариантного мотива из текста, а также указал, какие дополнительные, внетекстовые сведения нужны для этого. В заключение было рассмотрено соотношение терминов «мотив», «общее место», «тема» и «архетип».

О.А. Пашина в своем сообщении «О семантической дифференциации структурных компонентов музыкально-фольклорного текста» отметила, что музыкальная структура фольклорного текста (песни) состоит из двух компонентов: временного (ритм) и пространственного (звуковысотность), которые обладают относительной самостоятельностью и могут свободно соотноситься друг с другом. Рассмотрев роль ритмики и мелодики в смоленских закличках и курских свадебных песнях, докладчица сделала вывод, что звуковысотность является носителем более общей функции (например, признаком жанра), а ритмика — более узкой, специальной.

К проблемам картографирования и географии текста обратилась А.А. Плотникова в докладе «География текста (на южнославянском материале)». Были затронуты проблемы ареального варьирования ритуала (на примере обрядов отгона змей в день св. Иеремии), а также песенного текста. Исследовательница выделила дифференциальные признаки, актуальные для каждого из рассмотренных типов текстов. Она проанализировала «изотекстемы» (варианты текста, свойственные определенному ареалу). В заключение был сделан вывод, что во всем множестве вариантов остается неизменной семантика и прагматика текста, не изменяются также главные персонажи.

Вопросам выработки метаязыка описания «мифологического» в тексте был посвящен доклад Е.Е. Левкиевской «Метаязык и категории описания мифологии текста». Она указала на неоднородность мифологической системы, различную степень субстантивной оформленности мифологем, что отражает различную степень освоения человеческим сознанием общей сферы мифологического. Особый интерес представляют тексты, в которых «мифологическое» представлено не персонажем, а какой-либо функцией (*чудится, пугает*). Исследовательница подчеркнула актуальность попытки создать тезаурус мифологических функций и проследить их диалектное распространение. Были проанализированы термины «действие», «функция» и «функциональный тип». Одни и те же действия могут разделяться в разных ареалах различным смыслом и, следовательно, входят в разные функциональные типы (например, прогностический, патронажный, полтергейстный — по отношению к домовому). Докладчица отметила, что вопрос об атрибуции субстантивно неоформленных персонажей пока остается открытым.

А.Л. Топорков выступил с сообщением «Структура и прагматика русских заговоров социальной направленности». Материалом для исследования послужили заговоры XVII — XVIII вв. Докладчик рассмотрел способы бытования социальных заговоров и сведения о лицах, пользовавшихся ими. Корпус социальных заговоров, с одной стороны, смыкается с заговорами на любовь и красоту, с другой — с оберегами от различных вредителей, с третьей — с заговорами на зло и порчу. Это и определяет эмоционально-психологический спектр отдельных заговоров (от желания добиться расположения со стороны власти до стремления уничтожить ее). В заключение был сделан вывод, что заговорная традиция не навязывала человеку определенный взгляд на власть, но предоставляла возможность выбора, отнестись ли к ней негативно, как к врагу, или попытаться воздействовать на нее позитивно.

С.Е. Никитина в докладе «Стих об Иосифе Прекрасном: жизнь текста» остановилась на проблемах вариантности и функций духовного стиха о Прекрасном Иосифе. Разные версии стиха отличаются количеством эпизодов, объемом каждого из них, а также наличием книжной лексики в языке стиха. Стих об Иосифе Прекрасном интересен тем, что он может оборваться на любом эпизоде, при этом не возникает ощущения незаконченности. В зависимости от концовки в стихе звучит особый мотив (страдания, утешения, воздаяние за страдания и др.). Докладчицей были сделаны некоторые замечания о функциях рассмотренного стиха у старообрядцев, дубоборов и молокан.

Проблеме жанровой специфики былички, выявлению ее «дифференциальных» признаков было посвящено выступление *Л.Н. Виноградовой* «Быличка как жанр нравоучительных рассказов о нарушителях запретов». Наряду с основными жанрообразующими признаками былички, в качестве одной из важнейших ее характеристик была названа дидактическая функция. Такой подход дает возможность говорить о быличке как об экспликации запретов и правил общения с потусторонним, данной в примерах из жизни. Этот фольклорный жанр направлен на обучение правилам поведения, которых следует придерживаться, чтобы избежать контакта с мифологическим персонажем, его вредоносного воздействия или, напротив, добиться его благоволения. Докладчица подчеркнула, что двойственное представление о мифологическом персонаже как о

вредителе или помощнике, является исконным свойством славянской мифологической системы, которой изначально была присуща амбивалентность.

В сообщении *Е.Л. Березович (Екатеринбург)* «Текст черта в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов» предпринимается попытка рассмотреть комплекс представлений о черте, воплощенный в фактах системы языка и различных фольклорных жанрах как целостный текст — «текст черта». Рассматриваются различные способы кодирования культурной информации в рамках этого текста, условно обозначенные как сценарий, дескрипция, образ, субтитут, этикетка и т.д. Данный текст представлен преимущественно «сквозными мотивами», рассмотрение которых позволяет восстановить некий архетип, стоящий за отдельными мотивами (например, «черти в аду»).

Выступление *В.В. Усачевой* «Вербальная магия в аграрных обрядах (прагматика ритуального текста)» содержало анализ прагматики продуцирующих и охранных приговоров и заклинаний, направленных на обеспечение плодородия и защиту посевов. Прагматика данных словесных формул определяется их местом в обрядовом тексте, составной частью которого они являются, и включает информацию о том, кто, когда, где и при каких условиях произносит эти тексты. Произнесение заклинаний связывается с такими моментами времени, как начало и конец сельскохозяйственных работ, Рождество и Пасха, а также может быть приурочено к некоторым окказиональным ситуациям (например, рождению первого ребенка). В пространственном контексте этих формул актуализируются такие локусы, как дом и пашня. В качестве адресатов магических текстов выступают Бог и святые, сельскохозяйственная культура, природные стихии или вредители, могущие нанести порчу урожаю.

Доклад *И.А. Седаковой* «Жанр оповещения в семейной обрядности славян» был посвящен особой сфере славянской народной культуры: текстам, с помощью которых передается гласности то или иное событие. Жанровую специфику оповещений определяет их функционирование в рамках так называемых «переходных» обрядов, варьируемый характер, доминирование нескольких типов семантики. Оповещения являются необходимой составляющей таких ситуаций, как рождение, смерть, беременность, первые события в жизни ребенка, результаты первой брач-

ной ночи и т.д. Чрезвычайно широк диапазон формальных средств реализации данных текстов: это может быть развернутый текст, просто звуковые сигналы или предметный ряд (вывешивание белого флага на доме, особый характер одежды как показатель нового статуса девушки), что во многом зависит о конкретной локальной или национальной традиции.

М. М. Валенцова в выступлении «Специфика текстов ментальной магии» обратилась к исключительно специфическим, не доступным чувственному восприятию текстам, имеющим форму мысли. Подобные примеры правомерно рассматривать именно как тексты на основании наличия отправителя, адресата и результата передачи информации. Тексты ментальной природы используются в магической практике для нанесения вреда (сглаз злыми мыслями), гадания («раздумывания о больном перед водой»), причем способность их производства приписывается лишь «особым» людям. Характер продуцируемого субъектом ментального текста сказывается на протекании его контакта с нечистой силой (мифологические персонажи реагируют на мысли человека). По мнению докладчицы, ментальная магия представляет собой исходную форму магических действий, впоследствии принимающую звуковой и вербальный облик.

В докладе *Н. В. Злыдневой* «Телереклама как магический текст» был представлен ряд соответствий, которые обнаруживаются в функциональном и формальном отношении между текстами телевизионной рекламы и заговором. Реклама уподобляется заклинанию как текст, призванный помочь от нехватки, представляя собой «заговор общества на благополучие». Подобно заговору, она апеллирует к сфере сакрального, чудесному посреднику, направлена на уничтожение зла, характеризуется повторяемостью, медитативностью, цикличностью мотивно-синтаксической структуры.

Ряд выступлений вызвал живую дискуссию, в которой приняли участие не только докладчицы, но и гости конференции. В ходе обсуждения были затронуты проблемы как теории текста, так и его функционирования в традиции. При этом в качестве материала привлекались тексты, представляющие различные уровни традиционной народной и современной массовой культуры.

Материал подготовлен
Е. И. ЯКУШКИНОЙ
и **М. В. ЯСИНСКОЙ**
(Москва).

Конференция

СЛАВЯНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Государственный республиканский центр русского фольклора с 22 по 24 мая 2002 г. в рамках Дней Славянской письменности и культуры провел очередную ежегодную международную научную конференцию «Славянская традиционная культура и современный мир». За три дня работы конференции было прослушано сорок докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Борисоглебска, Воронежа, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Кирова, Курска, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Тамбова, Тольятти и других городов России. Представленные доклады показали, что наиболее актуальными в современной фольклористике являются исследования локальных традиций и состояния иноэтнических культур в России, изучение констант фольклора и анализ динамики развития традиционной культуры. Доклады общетеоретической и более частной тематики были посвящены генетическим и эволюционным процессам, происходящим в традиционной культуре.

Е. Б. Артеменко (Воронеж) обратилась к гносеологическим предпосылкам эстетики тождества в фольклоре. Проследив проявления эстетики тождества на различных уровнях устно-поэтического текста, исследовательница показала ее связь с гносеологической моделью, сформировавшейся «в границах» мифа (циклической моделью времени, или, иначе, моделью бесконечного воспроизведения одного и того же цикла событий). Также было уделено внимание последующей эволюции принципа тождества. В заключении доклада был сделан вывод о том, что импульсом к эстетизации устойчивых повторяющихся, заранее заданных явлений, и тем самым к формированию самой эстетики тождества мог послужить свойственный сначала мифу, а затем и фольклору, высокий аксиологический авторитет константных обобщенных типизированных сущностей, которым был придан статус непреходящего образца. Если признать, что фольклор явился «прародителем» эстетики тождества, то придется заключить, что у данной эстетики совсем не эстетические генетические корни.

Н. А. Хренов (Москва) сделал попытку характеристики традиционной культуры, исходя из ее отношений, с одной стороны, с архаической